

УДК 336.115

Н. А. Лутонина,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. А. В. Подворная

Образ Мандельштама в воспоминаниях современников

Аннотация. В статье на материале воспоминаний современников (З. Гиппиус, В. Ходасевич, Г. Иванов, И. Эренбург и др.) анализируются способы репрезентации личности О. Мандельштама. Выделены три ключевые тенденции в восприятии поэта: карикатурно-сниженная, тенденции контрастного восприятия и уважительного товарищества. Показано, как мемуарные тексты формируют многогранный образ поэта, сочетая субъективность с ценностью исторического источника.

Ключевые слова: Осип Мандельштам, мемуарная литература, образ поэта, современники, тенденции восприятия.

Осип Мандельштам давно перешагнул границы сугубо литературного интереса. Его имя стало воплощением русской культуры XX в., а судьба поэта обрела обобщающий, символический смысл. Однако при обращении к фигуре Мандельштама обнаруживается парадокс: образ «замученного поэта», сформированный во многом поздней лирикой и трагической гибелью, заслоняет образ человека, жившего и творившего задолго до событий 1930-х гг. Восстановить этот многогранный облик позволяют тексты-посредники, и прежде всего — воспоминания современников.

Мемуаристика представляет собой сложный жанр, сочетающий установку на достоверность с неизбежной авторской субъективностью. Как отмечала Л. Я. Гинзбург, в мемуарах всегда присутствует «фермент недостоверности», что не умаляет их ценности как исторического источника, но требует от исследователя осторожности и умения видеть за текстом не только факты, но и точку зрения автора. В связи с этим принципиальное значение приобретает определение дистанции, которую современники устанавливали между Мандельштамом-поэтом и Мандельштамом-человеком.

Источниковую базу исследования составил обширный корпус мемуарной литературы: дневниковые записи С. П. Каблукова, письма и воспоминания З. Н. Гиппиус, В. Ф. Ходасевича, А. И. Оношкович-Яцыной, книги Георгия Иванова «Петербургские зимы» и «Китайские тени», очерки Ильи Эренбурга «Портреты русских поэтов», воспоминания Эмилия Миндлина, Семёна Лип-

кина, Георгия Адамовича, Рюрика Ивнева, а также записные книжки Лидии Гинзбург. Анализ этих текстов позволяет выделить три основные тенденции в восприятии образа поэта.

Первая тенденция — карикатурно-сниженная. Ни на одного русского поэта начала XX в. не создавалось столько карикатур и анекдотов, сколько на Мандельштама. Эта линия возникает уже в 1910-е гг. З. Н. Гиппиус в письме к В. Я. Брюсову называет его «неврастеническим жиденком» [5], а в книге «Живые лица» рисует образ «маленького, темненького, сутулого» юноши с «мокрыми и холодными руками» [1]. В. Ф. Ходасевич в письмах из Коктебеля именует поэта «посмешищем всекоктебельским» [7] и «просто глупым» [8]. Художница Э. Зандер пишет о нём как о трусе, «каким может быть только жид» [6]. Апофеозом этой линии становится шуточная пьеса «Кофейня разбитых сердец», написанная в профессорском уголке в Алуште В. М. Жирмунским, К. В. Мочульским и С. Э. Радловым, где Мандельштам выведен под именем дона Хозе делла Тиж Д'Аманда, а его стихи подвергаются пародийному переосмыслению:

Мне дан желудок, что мне делать с ним,
Таким голодным и таким моим.
О радости турецкий кофе пить
Кого, скажите, мне просить? [4]

Причины такого восприятия коренятся не столько в антисемитских настроениях эпохи, сколько в особенностях личности поэта. Как точно заметила Л. Я. Гинзбург, для Мандельштама

«не существует расстояния между импульсом и поступком»; его неспособность следовать общепринятым нормам поведения воспринималась окружающими как чудачество, а порой — как вызов.

Вторая тенденция — контрастного восприятия. Многие мемуаристы, осознавая величие поэта, стремились соединить в его образе высокое и низкое, представить его как фигуру трагикомическую. Наиболее ярко эта тенденция воплощена в произведениях Г. В. Иванова. В «Петербургских зимах» создается мифологизированный портрет, где комические детали (странная одежда, нелепое поведение) соседствуют с признанием «ангельского» поэтического дара [3]. Сам Иванов, однако, признавал, что в его книге «семьдесят пять процентов выдумки и двадцать пять — правды». Метафора «недоброй феи», т. е. судьбы поэта, которая дала Мандельштаму чистейший дар, но бросила в мир «голым, беззащитным, неприспособленным», служит у Иванова объяснением всех странностей поэта. В «Китайских тенях» эта тенденция достигает апогея: Мандельштам предстает в Коктебеле в доме Волошиных в униженном положении — его морят голодом, не дают воды, он ночует в чулане [2]. Это вызвало гневную отповедь М. И. Цветаевой, которая в очерке «История одного посвящения» защищала подлинный образ поэта.

В эту же линию укладываются воспоминания И. Г. Эренбурга. В «Портретах русских поэтов» он создает образ «живого парадокса»: суевликий, мнительный «хлопотун», который «не может говорить о чем-либо более трех минут», оказывает-

ся способным на глубокое пророческое понимание революции [9]. Эренбург задается риторическим вопросом: «Но разве обязательно сходство художника с его картинами?» — тем самым оправдывая эту двойственность. Сходный подход обнаруживается и у Э. Л. Миндлина в книге «Необыкновенные собеседники», где бытовая неустроенность и внешняя нелепость сочетаются с внутренним достоинством и поэтической гениальностью.

Третья тенденция — уважительного товарищества. Она представлена мемуарами людей, для которых Мандельштам был прежде всего поэтом и равным собеседником. Это воспоминания и высказывания С. И. Липкина, Г. В. Адамовича, Р. Ю. Ивнева. В их трактовке поэтический дар выступает не придатком к личности, а ее сущностной основой, требующей полной самоотдачи — часто в ущерб бытовой приспособленности. Поэтому они не стремятся выводить талант из противоречий, прибегая к эффектным журналистским приемам. В этом заключается главное отличие мемуаристов третьей тенденции от представителей второй.

Приведенные примеры не исчерпывают всего корпуса воспоминаний о Мандельштаме. Тем не менее представленная в статье систематизация позволяет выделить три основных направления в восприятии поэта современниками, каждое из которых отражает определенный угол зрения на его личность. Обращение к этим разноречивым свидетельствам дает возможность составить более полный и живой портрет Мандельштама; спор памяти и мифа в итоге порождает подлинный образ поэта.

1. Гиппиус З. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 6. — М. : Русская книга, 2002. — 768 с.

2. Иванов Г. Мемуары и рассказы. — М. : Прогресс—Литера, 1992. — 352 с.

3. Иванов Г. Петербургские зимы. — М. : Эксмо, 2025. — 352 с.

4. Кофейня разбитых сердец : коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама / публ. Т. Л. Никольской, Р. Д. Тименчика и А. Г. Меца ; под общ. ред. Р. Д. Тименчика. — Stanford, 1997. — С. 72.

5. Морозов А. А. Мандельштам в записях дневника С. П. Каблукова // Вестник русского христианского движения. — 1979. — № 129. — С. 131–155.

6. Тименчик Р. Д. Заметки комментатора. 7. К иконографии Осипа Мандельштама // Литературный факт. — 2018. — № 10. — С. 368–384.

7. Ходасевич В. Собрание сочинений. Т. 2. — Ann Arbor, 1990. — С. 512–513.

8. Ходасевич В. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. — С. 403–404.

9. Эренбург И. Портреты русских поэтов. — Берлин, 1922. — 164 с.